

Виктория Семибратская, поэт, прозаик, интернет-журналист. Автор поэтического сборника «Точка в сердце». Участник более 150 коллективных поэтических сборников, литературных журналов, выходящих в ДНР, России, Сербии. Дипломант международных литературных конкурсов. Руководитель международной литературной интернет-площадки «Современник». Член Союза писателей Донецкой народной республики.

Виктория Семибратская

ТРИ СВЕКОЛКИ ДЛЯ ВРАГА

Быль

Молния дерзким росчерком осветила небо. Эхом пронесся гром. Ливень старательно поил ровные, ухоженные грядки. Поспевал урожай.

— Ох и полощет, — вздохнула бабушка, поглядывая в окно и продолжая ловко заплетать косичку на варенике с вишней. — Где дед Егор пропал?

— Не переживай, ему всегда дело найдется, — ответил дедушка, передвигая черного ферзя и взглядом передавая ход внуку. — К ужину вернется и расскажет, как русский человек снова спас мир.

Все трое улыбнулись. Стоило деду Егору выйти за калитку, обязательно начиналось какое-нибудь приключение. Такой он человек. Неравнодушный.

Захар, типичный городской школьник двенадцати лет, на все лето погружался в обычную жизнь русской деревни. Бабушка, дедушка и особо любимый прадед Егор успевали за три коротких месяца полностью преобразить внука. Свежий воздух, натуральные продукты, солнце. Помощь в огороде, рыбалка. И нескончаемый простор...

Под окном дома густо росли цветы, взлелеянные добрыми руками бабушки.

От самой калитки изумрудно блестящая арка, обвитая виноградной лозой. В знойные летние дни она создавала спасительную тень. Во дворе скамейки, аккуратно сколоченные дедушкой — мастером на все руки. И наконец большой деревянный стол. Длинный, широкий. По обеим сторонам — добротные лавки.

Вечерами после работы соседи собирались на ужин. К общему столу сносили самую простую еду. Картофель из печи, политый луковой зажаркой. Помидоры, огурцы, лук, чеснок, зелень, только что сорванные с грядки. Вареные куриные яйца. Ароматный хлеб с хрустящей корочкой... Раскладывали по тарелкам еду, разливали сливовый или малиновый компот с дразнящим густым ароматом. Вели разговоры. Шутили.

По праздникам деда Егора просили подсластить посиделки музыкой. Он нежно поглаживал свою бордовую двухрядку, загадочно наклонял голову на бок, прищуривался. Затем вскидывал правую руку, будто хотел взлететь, резко ронял ее на клавиши, закрывал глаза. Выкрученные тяжелой работой и преклонным возрастом пальцы оживали и пускались в пляс по кнопочкам. Женщины тут же выходили из-за стола и начинали выделывать ногами всякие дробы. А когда солнце садилось за поле, дружно затягивали песню. «Степь да степь кругом...» Все проникались неизъяснимой тоской русской песни.

Через час ожиданий, когда дождь стал ленивее, Шарик выскочил из будки, звонко залаял. Во двор шагнул хозяин. На лице промокшего, но довольного деда Егора сияла улыбка.

— Ну ты посмотри, что делается! Отвыкли руками работать. Сплошные менеджеры. А понять, почему не едет машина, если въехала в лужу, не могут.

— Это ты про Маниного внука? — бабушка забрасывала в кипящую воду вареники.

— Про него самого. Испугался, в грязи перепачкался, ну что ты скажешь. Только русские своих не бросают! — поднял над головой указательный палец дед Егор.

За ужином домашние узнали, как дед сумел завести почти безнадежно заглохший автомобиль. Как долго потом пришлось вытаскивать его из размытой колеи. Захар слушал отстраненно. Потом вполголоса, будто продолжая внутренний монолог, спросил:

— Дед, ты часто повторяешь: «Русские своих не бросают». Что же в нас, русских такого, чего нет в других? Или мы сами придумали про себя миф?

Дед Егор помолчал. Пока размешивал сахар в чае, взгляд его отдалился. Память шутила все чаще. То не давала вспомнить, куда положил очки, которые только что держал в руках. То четко проявляла события, которым было более семидесяти семи лет...

— Фашисты ворвались в родной город, когда мать работала в огороде, окучивала грядки. Я, пятилетний сорванец, забрался на высокий абрикос, выполнявший роль наблюдательного пункта. По улицам пронесся зловеющий рев вползающей военной техники, обозначенной чужой непонятной символикой.

Советские войска отступали. Накануне вечером прогремели тяжелые взрывы. Наши уничтожали важные стратегические объекты, кото-

рые не смогли эвакуировать. Город накрыло серое покрывало из пыли и едкого дыма. Першило в горле, чесались глаза. Наверное, поэтому мама плакала.

Фашисты вели себя как хозяева. Тут же расквартировывались по домам. Население не спрашивали, готовы ли потесниться и принять незваных гостей. В нашем доме поселились два офицера. Нас с мамой бесцеремонно выставили в сарай, где раньше хранился уголь. Началась новая жизнь, голодная и тревожная — нескончаемые дни оккупации.

Прошлым летом отец ушел на фронт. Прощаясь, обнял меня: «Ты теперь старший мужчина в доме. Береги мать, не балуй. Помогай, пока батя сражается с врагом...» Война рано научила нас, детей, ответственности.

Я не боялся фашистов. Этот город был моей колыбелью. Все свои пять лет рос, бегал наперегонки с мальчишками по теплой пыли переулков. С размаху падал в высокую сочную траву. Колоски смешно щекотали спину, нос. Разливался медовый аромат цветущей липы. Солнце ласково касалось лучами макушек сосед, окрашивало взъерошенные волосы пшеничными красками лета. Это моя улица, мое небо, моя родина... Чего бояться?

К глубокой осени стало голодно. Весь урожай, щедро подаренный землей, оккупанты тут же отбирали. Мы с соседскими ребятами ходили на заброшенные поля, выкапывали подмерзшие капустные корни-кочерыжки, собирали сморщенные коричневые яблоки.

Возвращаясь с нехитрым скарбом, я тихонько заглядывал в окно своего дома. Немцы ужинали. На столе стояли открытые жестяные банки розовой тушенки. Я с вождением смотрел на большие ломти белого хлеба, намазанные толстым слоем сливочного масла.

Мать быстро забирала меняльчикувегоиастом в наше ветхое жилище и тут же начинала рассказывать одну из увлекательных историй, которых она знала превеликое множество. Голод отступал, когда я отправлялся в воображаемое путешествие вокруг земли на маленьком плоту под парусом из листьев невиданной пальмы...

За казавшейся тихой жизнью городка скрывалось мощное подпольное сопротивление врагу. В отличие от Европы, которая сдавалась коричневому напору без сопротивления, русские не смирились даже в оккупации. Взрослые и дети организовывали секретные группы по борьбе с врагом. Подрывали цистерны с горючим, срывали восстановление шахт, уничтожали составы с военной техникой врага.

А фашисты были беспощадны. Устраивали показательные казни. Но это только добавляло ярости местным жителям. Врага люто ненавидели и боролись, демонстрируя великую силу русского духа.

И вот мы дождались того дня, когда с боями вернулась Красная Армия, наш город освободили. Начались восстановительные работы. Однажды через город шла колонна военнопленных немцев. Голодные, оборванные, они не поднимали глаз. Удивительно было видеть своих мучителей в таком жалком виде.

Эту картину я вижу будто наяву. Не сговариваясь, местные потянулись к солдатам с едой. Мама заглянула в кладовку, вздохнула вложила в мои ладони три свеколки: «Отнеси, сын, раненым, пусть едят. Эти нам больше не враги — побежденные».

— Дед, как же так?! Они зверствовали на нашей земле, а мы кормить фашистов?! — вскипел Захар.

— Если позволяешь в своем сердце поселиться ненависти, ты проиграл. Только наши люди способны любить и жертвовать собой во имя спасения другого, — тепло прозвучал голос рассказчика.

По дому разлилась тишина. Захар отхлебнул чай.

— Дед, мне кажется, теперь я понимаю, почему именно мы остановили фашизм.

— Ты спрашивал, внучок, что же есть такого в нас, русских, чего нет в других... — Дед Егор погладил по светлой макушке мальчика. — Возможно ли посадить нашу бескрайнюю степь за забор? Нас, рожденных на необъятных просторах, нельзя заставить подчиняться. Люди предпочитали погибнуть в бою за Родину, но не сдаться врагу... Главное, что отличает русских, — это милосердие и справедливость. Только мы, оплакивая своих погибших, больше не считаем поверженных врагами. Такой вот народ...

